

Культура для необразованных?

Дискуссия о массовой культуре, прошедшая на страницах нашего журнала (№ 4, 1990 г.— № 2, 1991 г.), конечно, не исчерпала всех проблем, связанных с нею. Мы вновь и вновь будем обращаться к разным аспектам этой темы и поэтому сохраняем рубрику, хотя название ее, возможно, кажется кому-то излишне публицистичным.

В этом номере мы предлагаем две статьи, которые свидетельствуют, что многие проблемы массовой литературы не являются присущими какой-либо определенной культуре, а характерны для всего мирового сообщества людей. Хотя, как говорила Г. Беляя в докладе на II советско-японском симпозиуме по массовой литературе (1990 г.), мы находимся в разных исторических реальностях. Какие бы трудности ни переживала Япония, о которой идет речь в статьях, она оставалась и остается одной и той же страной. Мы же переживаем период распада того общества, с которым не хотим иметь ничего общего. Но тем не менее, как увидит читатель, специфические явления массовой культуры с большим или меньшим временным разрывом наблюдаются и в Советском Союзе, и в Японии.

В статье Масару НИСИДЫ — профессора японской литературы, президента Общества японской социальной литературы, координатора движения за безъядерную зону в Японии — только обозначены общие тенденции, характерные для массовой литературы сегодняшней Японии.

В статье К. РЕХО (псевдоним доктора филологических наук ведущего научного сотрудника Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР Ким Ле Чуна) сделана попытка рассмотреть феномен японской массовой литературы в общемировом контексте.

Масару НИСИДА. *Что делать? На пути к социальному роману*

Феномен «массовой литературы» ставит перед современной литературой две большие проблемы. Первая — это проблема идеала современной литературы, вторая — проблема будущего массового общества, или общества массового потребления.

Что касается идеала современной литературы, то у каждой страны и ее национальной литературы есть свой «общенародный цветник» (Тококу Китамура «Поношение»), в котором выражены чаяния, мечты данного народа. Но в Японии революция 1868 г., ставшая отправной точкой модернизации страны, возглавлялась самураями и потому гражданско-демократические цели ее остались не до конца осуществленными. Стремление достичь их спровоцировало «движение за свободу и народные права», но оно потер-

пело поражение. В этих условиях современная японская литература, сформировавшаяся под воздействием европейской и американской, разумеется, была литературой интеллигенции, весьма далекой от жизни народных масс. Значительная же часть народа оставалась приверженной таким традиционным жанрам, как дидактические повести писателей прошлого, стенографические записи эпических («кодан») и юмористических («ракуго») рассказов, предназначенные для чтения «писанные кодан», повести на темы «кодан», называвшиеся «проза причесок „хапубин“»¹, семейные романы

¹ Вид мужской прически эпохи Эдо (XVII — первая половина XIX в.). Таким образом, речь идет об исторических повестях из жизни позднего средневековья.— *Прим. авт.*

и т. д. Из них читатели извлекали и развлечение, и жизненные наставления.

Некоторые литераторы хотели изменить это положение и пытались найти общий с народом путь, но не преуспели ни в том, ни в другом. Так, Тококу (1868—1894) впервые создает в Японии организацию антивоенного движения, однако накануне войны с Китаем совершает самоубийство. Симэй Футаба тэй (1864—1909) под влиянием русской литературы создал «Плывущее облако» — первое произведение японского натурализма². Он постоянно публиковал «заявления о несогласии» с тогдашней новой японской литературой, отдалившейся от народной жизни. Ратовавший за невозобновление войны с Россией писатель на склоне лет был направлен корреспондентом газеты "Асахи" в Петербург, но, заболев воспалением легких, а затем туберкулезом, умер по пути на родину в Индийском океане.

Минэгумо Окада сразу после войны с Китаем (1894—1895 гг.) призывал писателей отображать жизнь беднейших слоев рабочих, появившихся в результате развития капитализма в Японии, и вместе с тем провозглашал необходимость «второй революции», которая, последовав за революцией 1868 г., освободила бы народ от политического господства наследников феодализма и богачей. Однако после войны с Россией почти все сборники основных его сочинений были запрещены.

На фоне этих процессов в начале 1910-х годов как следствие отказа от намерения идти вместе с народом рождается, получает законченный вид и становится ведущим направлением литературы проза «ватаси-сёсэцу» — весьма специфичная для японской литературы форма. С тех пор позиции ее порой становились шатки, менялись и форма, и содержание, но она по-прежнему оставалась господствующим течением в современной литературе Японии. Применительно к категориям современной западноевропейской эстетики «ватаси-сёсэцу» можно поместить между стихами в прозе и эго-романом. Однако здесь следует отметить важное структурное отличие, поскольку социальный и исторический статус «ватаси» (я) не имеет объективной определенности. Иными словами, тогда как европейский индивидуализм (либерализм), по выражению Гете, пределом лич-

ного счастья полагает «жизнь на свободной земле со свободным народом», «ватаси-сёсэцу» есть литературное отражение особого японского индивидуализма (либерализма), который отказался от этого идеала или не помышлял о нем изначально. Безусловно, именно этот японский либерализм служит духовной основой действий, за которые японцы часто получают в мире язвительное прозвище «экономических животных».

В Японии после революции 1868 г. неоднократно возникала возможность построить гражданское общество западноевропейского типа: это вышеупомянутое «движение за свободу и народные права», движение в защиту конституции и подъем рабочего движения в 10—30-х годах XIX в., послевоенное демократическое движение против японо-американского договора безопасности. Однако вследствие их поражения закрепился либерализм именно японского типа.

Конечно, все эти движения со временем или сразу же породили и в литературе тенденции сближения с западноевропейской прозой. Это отразилось в проблеме вокруг отрицания идеализации в литературе, в теориях социального романа и народного искусства, в пролетарской и модернистской литературе, а позднее — в творчестве писателей «послевоенной группы» и т. д. Возникновение так называемой «массовой литературы» — не что иное, как одно из проявлений этих тенденций.

Естественно, по мере формирования «ватаси-сёсэцу» расстояние между литературой интеллигенции и той литературой, в которой находит удовольствие подавляющее большинство народа, становится решающим. Литература масс впоследствии, как и «ватаси-сёсэцу», с каждой эпохой изменяла свою форму и содержание, однако представленные в ней идеи в целом консервативны. Временами она все же смело вторгается в сферу актуальных политических и социальных вопросов. К тому же она отвечает на потребность масс в герое, и тогда рождаются такие произведения, как «Словно полет» Рётаро Сибы или «Условия человеческого существования» Дзюмпэя Гомикавы. Одно рисует героя революции 1868 г., другое — это попытка эпического изображения второй мировой войны. Эстетический уровень произведений разный, но в целом необходимо признать, что массовая литература отличается общедоступностью языка и невысокими художественными достоинствами.

² Тогда это понятие включало и реалистическую литературу.— *Прим. перев.*

Однако исходя из идеала современной литературы, можно сказать, что и высокохудожественная, но предназначенная для узкого круга интеллигенции литература «вата-си-сэсэцу», и примитивная, но отвечающая чувствам и чаяниям народа массовая литература есть две стороны одной медали. Обе они — результат того, что в Японии не утвердилось гражданское общество западно-европейского типа; однако на новом витке истории можно наблюдать, как и в Европе, и в США гражданское общество видоизменяется вследствие прогресса массового общества, появляется «антироман» и возникают разнообразные проблемы.

Япония, достигнув высокого уровня экономического развития, со второй половины 70-х годов также вступила в стадию массового общества и ее заполнил «массовый человек», который не то чтобы думает только о самом себе, но и в духе нового времени и о себе самом, по сути, не думает вовсе, и в этом смысле является «прирожденным либералом японского типа». Как указывает Ортега-и-Гассет в своем знаменитом «Восстании масс», отличительная особенность «массового человека» — это стремление избавляться от всяческого бремени. И действительно, эти люди не желают нести не только физический груз, но особенно не терпят груза духовной ответственности. Ныне в Японии 60% жителей учатся в вузах, но они практически не читают книг. И как отражение этого факта — в городских книжных магазинах не увидишь того, что можно было бы назвать книгами в полном смысле этого слова. Все завалено сборниками комиксов, вульгарными еженедельниками, да журналами и изданиями, посвященными утилитарной тематике или хобби. Отделы беллетристики почти целиком заполнены опусами массовых писателей.

Вместе с тем прогрессирует такое явление, как «отвыкание от письма»: людям приятнее не расшифровывать знак за знаком, реконструируя с их помощью цельный образ мира, но следовать за «кадрами» наполовину кинематографических по природе «драматических картинок» (повествовательных комиксов), еще легче отдаться движению картинок, когда не нужно ни читать текст, ни совмещать его с иллюстрациями. Лет тридцать тому назад платных библиотек было не меньше, чем почтовых отделений, а теперь в таком же количестве распространены пункты проката видеокассет, работающие кругло-

суточно супермаркеты, рестораны американского типа, куда можно добраться на автомобиле.

Сейчас в Америке среди молодежи очень модна «картошка на кушетке» — манера смотреть в одиночку или вдвоем телевизор, валяясь на кушетке и поедая картофельные «чипсы». Рано или поздно это, несомненно, станет популярным и у японской молодежи.

В этом смысле можно сказать, что в Японии уже появляется угроза существованию не только литературы интеллигентского меньшинства, но и массовой литературы большинства.

Что же нам следует делать в этой ситуации? Коль скоро литература относится к реально существующим явлениям, она когда-нибудь исчезнет. Однако трудно представить, чтобы ее до конца вытеснили комиксы и телевидение. Служащие материалом литературы слова обладают одновременно конкретным и обобщенным значением, что позволяет глубоко проникать в суть описываемых явлений. К тому же литературное произведение в отличие от кино и телевидения можно создавать где угодно — были бы бумага и ручка.

Нельзя сказать, чтобы положение было безнадежным. Произведения серьезного содержания востребованы не столь уж малочисленной читательской аудиторией, хотя большинство этих читателей не принадлежат к молодому поколению. Однако надежду в нас вселяет экологический кризис — пусть это и звучит парадоксально. Сейчас провозглашен конец эпохи холодной войны и угроза тотальной ядерной катастрофы отдалась, но ведь она не исчезла совсем. Искры военных конфликтов таятся повсюду. А то, что «мирное использование» атомной энергии по опасности не уступает военному, с предельной ясностью показала авария в Чернобыле. Кроме того, разрушение озонового слоя, потепление климата Земли из-за выхлопных газов, загрязнение вод и почв промышленными стоками и сельскохозяйственными ядохимикатами создают угрозу самому существованию человечества. Эта угроза нависает не только над бегущими от всякого бремени современными японцами, но и над всеми современниками как некий «итоговый счет». Все эти проблемы так или иначе находят отражение в произведениях современных писателей. И в этом смысле я возлагаю на литературу последнюю надежду. Как вернуть литературе ее былое влияние

и осуществить идеал современной литературы? Единственный путь в том, чтобы, укрепляя солидарность с движением протеста против ядерного оружия и АЭС и вообще со всеми, кто выступает за обеспечение гарантий Дальнейшего существования Земли и человечества и построение лучшей жизни, активно поднимать вопросы, стоящие перед человечеством, и воплощать их в литературной форме. Для этого необходимо знать, как поступала с социальными проблемами литература прошлого, и создавать условия для активного привлечения литераторов к этим проблемам. С этой целью в мае 1985 г. и было основано Японское общество социальной литературы, президентом которого я являюсь. Это очень представительное общество. В него входят известный в СССР Макото Ода, поэт Кайсэй Ри, историки и представители естественных наук. Такой состав объясняется тем, что в условиях нынешнего литературного кризиса мы стремимся рассматривать проблемы, исходя из представления о литературе как обо «всем, что записано буквами».

Хотелось бы кратко упомянуть о том, что, став участником антиядерного движения в органах местного самоуправления, провозгласившего первоочередной задачей превращение азиатско-тихоокеанского региона в безъядерную зону, я пять лет тому на-

зад вместе с советскими пацифистами и учеными работал на ленинградском симпозиуме по разоружению и созданию безъядерных зон в азиатско-тихоокеанском регионе. Тогда мы потребовали от Советского Союза мирных инициатив в международной политике в виде дальнейшего одностороннего разоружения или, говоря по-современному, перехода к «новому мышлению», а также впервые в мировой практике прозвучали наши требования приостановки создания программы АЭС. Чернобыльская авария случилась через восемь месяцев после этого. В 1989 г. американский писатель Том Вульф выступил с критикой американской литературы, расколовшейся на литературу немногочисленной интеллигенции и развлекательное чтение для подавляющего большинства, а его эссе «Манифест новой социальной литературы», в котором он призывает к появлению «новых теккереев», «новых золя», имело большой резонанс. Необычайный интерес у меня вызывает тот факт, что с небольшим разбросом во времени требование «социальной литературы» возникает по обе стороны Тихого океана. Таким образом, можно предположить, что это не чисто японский феномен, а явление общепланетарное.

© Нисида Масару, 1991

© В. Мазурик — перевод на русский, 1991